

ПОРТРЕТЫ МОИХ ЗНАКОМЫХ

ВАДИМ БЕЛОУСОВ

Герои, с которыми вы здесь познакомитесь, отрицательные. Но это совершенно не значит, что среди моих знакомых нет людей умных, талантливых, душевно щедрых. Конечно, есть. Их подавляющее большинство! Но мое внимание, как сатирика, привлекли персонажи, мягко говоря, не совсем симпатичные. Такие тоже встречаются, и, вероятно, не только среди моих знакомых, но и ваших.

АВТОР

ВЫРОС

Глядя на этого человека, я невольно вспоминал гоголевского Акакия Акакиевича — такой он был маленький, тихенький, таким он говорил тоненьким голосом, так усердно копался в бумагах. А главное, потрясала его безответность. Все желающие могли сколько угодно упражняться на нем в остроумии, а он только робко улыбался толстыми некрасивыми губами, и взгляд у него был как у телянка, который точно знает, что скоро превратится в телятину. Многие использовали его как оселок для своих языков. А мне было жаль Гришку Сундукова. Уж очень он маленький и безответный.

Случилось так, что почти одновременно из нашего учреждения ушли несколько ответственных работников. И Гришка Сундуков неожиданно для всех, а может быть, и для себя, сделал молниеносную карьеру. Он попал в первую тройку

руководителей.

На следующий день Гришка пришел на работу в великолепной шляпе песочного цвета с высокой тульей. До этого он обходился кепкой. В шляпе Гришка очень напоминал гриб, и кое-кто поспешил довести это до его сведения.

Гришка некоторое время молча смотрел на остряков, а потом своим тоненьким голосом произнес:

— Много болтаете в рабочее время. Придется об этом потолковать на ближайшем собрании. Я буду брать плетку и разгонять вас.

Он вышел, все оцепенели от удивления, а собрание через несколько дней состоялось. После собрания стало ясно, что Гришка не Акакий Акакиевич, а нечто совершенно противоположное.

Потом я увидел один документ, подписанный Сундуковым, и убедился, что Гришкино факсимиле стало вдвое длиннее, а проходя по коридору, услышал, как Гришка говорил по телефону:

— Да, да, я подошлю своих людей... Не сомневайтесь, мои люди будут точно в срок... Какие могут быть возражения? Да что я своих людей не знаю: приказ в зубы и пошел...

Но по-настоящему понять душу Гришки Сундукова помог один случай.

Наше учреждение переехало в новое, более просторное помещение, и Гришка получил отдельный кабинет. Однажды вечером я увидел Сундукова около нового здания. Он стоял на тротуаре и смотрел на темное окно своего кабинета. Так смотрит рыбак на необыкновенный спиннинг, страстный охотник на отличное ружье, художник на гениальное произведение.

И я понял: Гришка Сундуков это все-таки Акакий Акакиевич, который... вырос.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПАССАЖИР

В купе нас четверо: упитанный летчик с черными усиками, белобрысый парень в жестком брезентовом дождевике и богатырских сапогах, я и профессиональный пассажир. Он среднего роста, с умеренным брюшком и лицом, желтым, как вагонная полка. Пузатый, седой от старости, портфель и небольшой чемоданчик составляют его багаж. То, что это профессиональный пассажир, выяснилось еще до отхода поезда. Войдя в купе, он сразу пристроился у столика, раскрыл чемодан и потом долго шуршал бумагой и деловито чавкал.

Это был поезд местного сообщения, он двигался лениво, как старый вол. Все молчали. Тишину нарушало только хрупанье костей на зубах моего соседа.

Наконец пассажир закрыл чемоданчик, вытер ладонью лоснящиеся губы, вытащил смятую папироску.

—Теперь жить можно,— довольно похлопал себя по брюшку. Чувствовалось, что он созрел для дорожной беседы.

Никто не ответил, но это не смутило его. Он обратился непосредственно к летчику.

—Значит, в авиации служим. Почетное по нынешним временам дело. Выше всех, быстрее всех. Но опасное, очень опасное. Говорят, часто бьются нынче самолеты. Вроде этот... автопилот ненадежный. А то

еще толкуют, что иные прямо разваливаются в воздухе. Сначала одно крыло, потом — другое. Верно говорят?

—Ерунда,— пробурчал летчик.

—Понимаю, понимаю. Военная тайна и все такое. Не любят у нас об этих вещах сообщать. Только земля слухом полнится. А верно, что у летчиков, которые на реактивных самолетах, через несколько лет волосы выпадают и зубы?

—Ерунда.

—Вот вы все: ерунда, ерунда! А мне один человек рассказывал точно.

—Трепач.

—Не скажите. Вот я же сам такое не выдумую. Раз говорит человек, значит что-то знает. А вы сами на каких самолетах летаете?

—На «ИЛ-14».

—А-а! Знаю-знаю... Это большой такой... Я ведь очень авиацией интересуюсь. Не хочется, знаете, отставать от жизни... Ну, и как, а аварии бывали?

—Нет.

—Неужели ни разу?

Летчик досадливо крикнул, встал и вышел из купе.

—Скрытный,— осуждающе покачал головой пассажир.— Небось, не один раз вниз носом летел. А рассказать - нет... Вы по какой части, молодой человек?— принялся он за парня в брезентовом дождевике.

—Я — строитель.

—Самая благородная профессия. Сколько нам еще построить нужно. Планы огромные. Одна беда — не умеем мы строить, нет, не умеем.

—Почему это не умеем?— парень был уязвлен.

—Ну, что вы, милый мой, младенцем прикидываетесь! Я-то эти дела знаю. Со строительным делом неплохо знаком. Как у нас строят? Тяп-ляп. А через год глядишь, все обрушилось. Я слышал, в Москве десятиэтажный дом пополам лопнул. Это ж надо такое! А техника? Спутники запускаем, а на стройке все этой изогнутой лопаточкой, как ее...

—А об индустриальном строительстве вы слышали?

—Боже мой! Ну, конечно. Знаком был с

первыми проектами. Но это, милый мой, дело длинное. Сто лет пройдет.

— Сходить скоро, — пробормотал парень, и, гремя дождевиком, исчез.

Я остался один и почувствовал, что сейчас этот человек начнет обглаживать меня. Так и случилось.

— Журналист, значит, — повторил он, — когда-то и я пописывал. Под псевдонимом «Зоркий глаз». Помню, кричит один: узнать бы, что это за «глаз», я бы ему глаза повыбивал! И не подозревает, что я рядом стою. Потеха!.. А вас не били за статьи?

— Нет.

— Ох, плохо верится... Ну, да бог с вами, не хотите, не рассказывайте. Плоховато у нас с полиграфией. Бедно. Вот у американцев, говорят, типографии! Игрушка!

Поезд тяжело вздохнул и остановился. Мой собеседник засуетился.

— Эх, моя станция!.. А я хотел с вами еще на международные покалякать. Ну авось еще встретимся. Я часто этим поездом ежу.

ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАПРАВО

Ни один посетитель не мог миновать его. Он сидел рядом с дверью, энергичный Лука Изотыч, инспектор, состоящий из двух положенных друг на друга шаров, большого и маленького. Маленький шар беспрерывно улыбался.

Увидев незнакомого человека, Лука Изотыч еще шире растягивал в улыбке свой и без того широкий рот.

— Здравствуйте. Прошу присаживаться.

Человек пытался что-то сказать...

— Вы из какого района? — напористо спрашивал Лука Изотыч. — ...Ага... А кто у вас секретарь райкома?.. А-а. Не знаю... А председатель исполкома?.. Это лысый такой?.. Нет, не лысый?.. Странно... Я у вас лет пять назад побывал, тогда лысый... Вы из колхоза?.. Колхоз ваш какой?.. «Путь Ленина»?.. А председатель кто?.. А секретарь партийной организации тот же самый?.. Нет? Новый? Понятно... Колхоз у вас богатый?.. Это хорошо, что богатый. В богатом колхозе веселей работать... хе-хе.

Верно?.. А я у вас бывал. Рыбалка на вашей речке хороша. У вас нет речки?.. Отставить! Значит, это в другом районе... Надо бы, надо у вас побывать. Да все руки не доходят. Не вырвешься. Мы же как работаем: шуруй, укалывай и уперед! Шуруй, укалывай и уперед! А вы по какому вопросу?.. А-а! Ну, я тут ничем помочь не могу. Вам надо к товарищу Перевозчикову, третья дверь направо. Будьте здоровы, желаю успеха...

— Здравствуйте. Присаживайтесь. — Лука Изотыч уже улыбается новому посетителю.

Вокруг него целый день жизнь бьет ключом», — как выразился недавно, и совершенно справедливо, начальник.

ТИГРИЦКИЙ

Фамилия Тигрицкий никак не гармонировала с его внешностью. Своей маленькой тщедушной фигуркой, вытянутым вперед лицом, глазами-бусинками, длинными прилизанными серыми волосами он напоминал какого-то мелкого грызуна, вставшего на задние лапки.

Тигрицкий неслышно просеменил по кабинету и жестом фокусника развернул на столе веер из серых брошюрок, на которых значились даты: 1948, 1952, 1953, 1959.

— Что это?

— Это, так сказать, визитные карточки, — проблеял Тигрицкий. — Чтобы вы имели представление, с кем имеете дея. Я, видите, много ет автор композиций дья художественной самодеятельности».

Он плохо произносил букву «л», вместо нее всегда звучала какая-то другая, гласная, и от этого речь Тигрицкого приобретала привкус приторной сладости.

Перелистав «визитные карточки», женщина, сидящая за столом, осведомилась:

— Что же вы хотите?

— Я бы хотел осмеяться. Простите, как ваше имя-отчество?.. Так, вот, уважаемая Аиксандра Аиксеевна, я хотел бы предъявить вам веиколепный сборник дья чтения с эстрады. Произведения местных авторов, на местные весьма актуальные

темы.

И она имела несчастье сказать:

— Приносите.

На другой же день Тигрицкий принес грудку старых газет с отчеркнутыми красным карандашом абзацами и книги, оцетинившиеся закладками.

Войдя в кабинет, он довольно потер сухонькие лапки и сказал:

— Вы сегодня прекрасно выглядите, Александра Алексеевна. Прямо цветете.

Он знал, как надо смягчать сердце женщины, этот Тигрицкий.

— Я сдержай съездо, — продолжал он, бережно, как-то благоговейно опуская свою ношу. — Вот сборник. А сейчас не буду вам мешать. Удаляюсь. Читайте. Я побеспокою вас в субботу. Будьте здоровы.

Когда Александра Алексеевна прочла сборник, у нее разболелась голова.

В субботу Тигрицкий позвонил за десять минут до окончания рабочего дня, а пришел ровно в три.

— Какая вежкопная погода, — заметил он. — Вам понравился мой сборник?

Александра Алексеевна была мягкая женщина, и она ответила очень неопределенно:

— Кое-что тут неудачно. Тигрицкий встревожился.

— Да?! А что именно вам не понравився?

— Вот, — взяла она наугад пожелтевшую газету.

— Но это же вежкопный отрывок! — воскликнул Тигрицкий. — Очень иический, ярко рисующий наших юдей.

Он выдернул из кармана роговые очки и, став в позу, принялся читать, подражая голосу и интонациям провинциальных актеров прошлого столетия. Я не помню дословно отрывок, который читал Тигрицкий, но прочел он примерно следующее:

Андрей и Лена сидели у реки. На небе сверкали звезды, а где-то переливался соловей. Бережно обнимая Лену, Андрей страстно говорил:

— Ты пойми, любимая, мы одержали замечательную победу! Брали обязательство выполнять нормы на 115 процентов, а выполнили на 128. Это если

не считать экономии материалов! Но это для нас не предел. Подсчитав свои возможности, вскрыв неиспользованные резервы, мы решили идти вперед...

Тигрицкий доказал, что он все-таки соответствует своей фамилии. У него была тигриная хватка в борьбе за ускользящий гонорар.

— Вот еще великолепный кусочек! — восклицал он и читал...

После рабочего дня это было ужасно.

Александра Алексеевна выглядела так, будто не спала несколько ночей. Она уже поняла, что спорить с Тигрицким ей не под силу и, когда он кончил чтение, сказала:

— На ваш сборник у нас нет сейчас бумаги.

— А скойко надо бумаги? — уточнил Тигрицкий, уже предвкушая победу.

Она назвала цифру, по ее мнению, достаточно высокую. Пятьдесят килограммов.

— Хорошо, — сказал Тигрицкий. — Пусть сборник поедит у вас. Будьте здоровы.

Через три дня он в два приема приволок пятьдесят килограммов отличной белой бумаги.

— Счета никакого, конечно, я вам дать не могу.

Я достай эту бумагу... приватно. Вы как-нибудь оформите. А деньги — сейчас. Мне надо распяяться.

Забрать бумагу обратно он категорически отказался.

Остается добавить, что сборник Тигрицкого с трудом отвергли два узких совещания и одно широкое. И долго на столе Александры Алексеевны звонил телефон. Из разных организаций спрашивали:

— Что у вас там с Тигрицким?

КАПУСТНИК

Председатель художественного совета Семен Семенович Бантик раздраженно постукивал пальцами по столу. Завуч училища, по его мнению, гнул куда-то не туда. Да, определенно не туда. Завуч говорил:

— Товарищи, до выпускного вечера остался месяц.

Давайте подумаем, как провести его

пооригинальнее... Семен Семенович не выдержал.

— Никаких оригинальностей не будет! — воскликнул он и пристукнул ладошкой.

— Как это?

— А вот так. Не будет и все. Ни к чему.

— Но можно же как в прошлом году, капустник сделать... Вы же художественный совет...

Бантик вскочил и пробежался по комнате. Он — маленький, юркий, похож на головастика. На нем — широченные брюки и пиджак с ватными плечами.

— А что было в прошлом году?! Смех! Какие-то куплетики, интермедийки. Не смешно! Разве это капустник! Вот мы, помнится, делали капустники. Берем мужчин с волосатыми ногами, одеваем в балетные пачки и пусть танцуют «маленьких лебедей». А? Блестяще!

— Семен Семенович, но ведь это дешево.

— Ха! Дешево? Может быть. Но зато смешно... Или выпускаем трех человек с сосками — хор детского сада. Каково?.. Ха-ха-ха.

Семен Семенович уселся на свое место, посерьезнел и сказал:

— Подведем некоторые итоги. Я мыслю себе выпускной вечер таким образом: торжественная часть, худчасть, танцы. Выпускной вечер — это вам не просто вечер. Тут не до смешков.

МЕНЯ ЛЮБИТ ДИРЕКТОР

Что бы там ни говорили классики о тяжелой судьбе сатирического писателя, я с ними не согласен.

Толкуют, что, дескать, на сатирика все смотрят с опаской, ждут от него какого-нибудь подвоха, никто его не любит, а особенно начальство. Чепуха все это.

Я вот, например, совсем начинающий сатирик, но могу смело утверждать, что успел снискать любовь к уважение администраторов.

Пошел я недавно устраиваться на работу в одно учреждение. Директор Алексей Степанович Хорь принял меня очень холодно. Он тогда еще не знал, что я пишу сатирические рассказы и фельетоны.

— Что ж, — говорит он к совершенно

равнодушно смотрит куда-то в сторону, — мы вас, разумеется, возьмем. Нам такие работники очень нужны. Приходите завтра.

На другой день кн успел переступить порог директорского кабинета, как Алексей Степанович вскочил с кресла и чуть не бегом мне навстречу.

— Здравствуйте, дорогой. Страшно рад, что вы пришли.

Я понять ничего не могу, откуда такая перемена. Вдруг вижу на столе свежий номер газеты с моим рассказом. Алексей Степанович перехватил мой взгляд и разулыбался.

— Да-да, читал. Замечательно написано. Какая точность наблюдений, какая меткость характеристик! А язык! Я уже не говорю о языке! Вы прямо Ильф и Петров. Я давно слежу за вашим творчеством... Да, а как вы тут этого бюрократа пригвоздили... ха-ха-ха... Неужели такие еще бывают в жизни?

— К сожалению, бывают, — скромно ответил я.

— И где вы только его выкопали?

— Работали как-то вместе.

— А-а... да... Так вот я и говорю, что ваше творчество доставляет мне истинное наслаждение. Бывает, читаем с женой вслух ваши рассказы и прямо покатываемся со смеху.

Он замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

— Благодарю вас за высокое мнение о моем творчестве, — сказал я. — Мне очень приятно будет работать с вами.

— Работать? — переспросил директор. — А-а... вы имеете в виду наш вчерашний разговор. Но войдите, дорогой, в мое положение. У меня нет должности, которая бы соответствовала вашему таланту. Я всю сегодняшнюю ночь провел без сна, прикидывал и так и сяк, создавал различные варианты. Ничего не получилось.

— Но я согласен работать на той должности, о которой мы говорили.

— Вы согласны, а я нет, — энергично воскликнул директор. — Я не могу взять на себя такую ответственность. Я не могу затолкать талантливого человека в канцелярию, где

его талант может зачахнуть. Нет, нет и нет! Вам с вашими данными работать в «Крокодиле» или... в «Новом мире», а вы — ко мне. Смешно! Ради вашего же собственного блага я вынужден вам отказать самым решительным образом.

— Но мне нужна работа, — заметил я, прекрасно понимая, что он прав.

— А разве я говорю, что не нужна! — воскликнул Алексей Степаныч. — Но достойная работа!

Я признательно пожал его руку и вышел.

— С нетерпением буду ждать ваших новых произведений! — прокричал он мне вслед.

Этот человек любил меня, как родного.